

Текст · 24 ноября 2022, 07:46

Никита Сологуб,

«Как будто кто-то большой рукой схватил за голову». Почему контуженным военным так трудно добиться выплат

Офицер морской пехоты из Мурманской области Александр Зиновьев^[1] воевал в Украине с середины марта. Его часть несла большие потери. В какой-то момент оказалось, что ранены и все медики в подразделении — их пришлось отправить по госпиталям.

14 апреля Зиновьев пытался вывести с передовой своих солдат, которые попали в засаду. «Дальше должна была приехать техника, которую я вызвал, но противник в этот момент стал обходить нас, делать тактический маневр, и перед этим начал артподготовку. Со мной и другим сослуживцем был один тяжело раненый. На нас сыпались мины, из "Градов" прилетало. Стелили все ближе и ближе. Обычно, когда летит, прыгаешь в ямку, ищешь неровность, но с тяжелораненым было это сделать невозможно, поэтому мы сняли с него бронежилет и сели с двух сторон, прислонившись к нему, прикрывая его собой. И снаряд упал прямо рядом с нами. По звуку это была 120-миллиметровая мина менее чем в десяти метрах», — рассказывает офицер.

Зиновьев вспоминает, что после взрыва «потихонечку начал отъезжать», но «подсознательно держался,

потому что в это время отъезжал и раненый боец» — к тому же, видимых признаков травмы не было.

«В тот момент было ощущение, что мне очень сильно сжало мозг. Резкое такое сжатие произошло, как будто кто-то схватил прям. Вот виноград берете и сжимаете, примерно такое ощущение было, как будто кто-то прямо большой рукой меня схватил за голову — мозг конкретно, без черепа. Сжал и резко отпустил», — описывает он свои ощущения.

Тяжелораненого бойца удалось вывезти с передовой, он выжил, а помогавший Зиновьеву товарищ вскоре после этого погиб. Поскольку врачей в части не осталось, офицер оценил свое состояние сам и, рассудив, что заметных повреждений после взрыва у него не осталось, продолжил воевать.

«Я выполнял задачи и с каждым днем понимал, что у меня давление повышенное было, а потом оно вообще начало скакать: то есть повышенное, повышенное и вдруг резко падает. И тогда я как бы терял фокус, в глазах темнеет — и все, ничего не видно. Постоянно головные боли, но я списывал это на недосып, потому что на тот момент не спал нормально уже месяц. Потом стал замечать, что со слухом какая-то проблема — левое ухо слышит слишком хорошо, и как только что-то громкое происходит, начинает голова болеть, звон раздается. Но о контузии я не думал, я списывал это просто на свое состояние», — вспоминает он.

По возвращении с передовой спустя две недели Зиновьев стал замечать и другие симптомы: при попытке сфокусировать взгляд на экране мобильного

он «плыл». «С семьей я разговаривал — бывало, выходишь в тыл, там связь поймашь, по видеосвязи общаешься с семьей, смеешься... Я пару минут могу только разговаривать по телефону по видеосвязи, и все — дальше я не могу в экран смотреть», — говорит офицер.

28 апреля, ровно через две недели после взрыва, Зиновьев добрался до МОСН^[2] в Донецке. Военный врач сказал, что он «контуженный, уже давно контуженный» — и выдал справку: «взрывная травма и контузия». Однако на следующий день Зиновьева отправили в военный госпиталь в Ростове-на-Дону, где диагноз изменили на «акубаротравму»^[3] и «астено-невротический синдром».

«Невролог, который меня принимал в Ростове, как услышал, что я две недели назад был контужен, перестал со мной разговаривать. Просто сказал: типа у тебя все нормально, до свидания. В Ростове я пробыл десять дней, из них неделю мне ставили капельницы непонятно зачем. Просто приходил человек, ставил капельницу, больше ничего не делал — и никто со мной не разговаривал, никто не заходил», — рассказывает он.

Из Ростова Зиновьева перевели в госпиталь в Буденновске. К этому времени к его симптомам добавилось заикание. «Там мне в ответ на это невролог сказал — ну откуда мы знаем, может, ты и раньше заикался? Лечащий мой врач ко мне вообще не заходил ни разу, в итоге мне пришлось ходить по неврологам, чтобы хоть кто-то меня принял. Тот, который согласился проконсультировать, объяснил

— извини, брат, мы тебе диагноз твой вернуть не можем, потому что ростовский госпиталь рангом выше, мы им подчиняемся, и с прошествием времени единственное, что мы можем делать — это писать об улучшении состояния», — вспоминает офицер.

В итоге из госпиталя в Будденовске Зиновьев вернулся в Мурманскую область со справкой о том, что он страдает от «утомления I-й степени». При этом никаких диагностических тестов медики не проводили. Сам Александр уверен, что первоначальный диагноз был правильным — в отпуске он встретил однополчан, наблюдавших за ним после взрыва и заметивших странности поведения, характерные для контуженных. «Сослуживец вспомнил, что я тогда приезжал в тыл постираться, помыться, и мы пересекались, говорит: "Да вы себя вообще неадекватно вели! То есть вам один вопрос задаешь, вы вообще другое отвечаете. На глаза смотришь, вы по-другому смотрите — ну, вообще как другой человек!". Я говорю: "Да? А чего вы мне сразу не сказали?" — "А хрен знает. Мы так переглянулись, что что-то не то с вами, и ладно, не стали говорить". Ну то есть поведение было другое. Мне и сейчас жена уже говорит, что ты совсем другой. А я теперь уже и сам не знаю, какой», — говорит Зиновьев.

Согласно доступному на сайте Минобороны [документу](#) под заголовком «Перечень показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующая им продолжительность медико-психологической реабилитации», военных

с «утомлением 1-2 степени» направляют в санаторно-курортные учреждения на 10 суток. Других упоминаний диагноза «утомление 1 степени» «Медиазона» в открытых источниках не нашла.

Вернувшись из Украины, офицер думал, что ему выплатят 3 млн рублей — указом от 5 марта Владимир Путин гарантировал такую сумму всем «получившим ранение (контузию, травму, увечье)» на войне. Однако деньги все не приходили, и тогда Зиновьев обратился в Заозерский гарнизонный военный суд^[4] с требованием признать незаконным бездействие врачей, «выразившееся в неоформлении ему справки о ранении как военнослужащему». Суд в удовлетворении иска отказал, объяснив, что выплаты контуженным вообще не положены.

В решении суда говорилось, что во исполнение указа Путина о единовременных выплатах раненым Минобороны утвердило порядок их начисления. В этом документе ведомство ссылалось на перечень увечий, принятый правительством еще в 1998 году. В нем перечисляются все военные травмы, которые следует рассматривать как страховой случай, но контузий среди них нет^[5] — а значит, Зиновьеву не положены деньги.

Получив отказ в суде первой инстанции, Зиновьев вместе с двумя контуженными сослуживцами обратился к адвокату Максиму Гребенюку, который специализируется на защите прав военнослужащих.

Иллюстрация: Наташа Шпак / Медиазона

Гребенюк составил апелляционные жалобы^[6]; вкратце его аргументация была такова: министр обороны подписал порядок назначения выплат 22 апреля, а в силу он вступил и того позже — 22 мая, по официальном опубликовании. Но все трое доверителей адвоката получили травмы задолго до этого. Таким образом, рассуждал Гребенюк, при назначении им выплат власти должны руководствоваться только указом Путина, в котором нет ссылок на перечень конкретных травм — 3 млн рублей обещаны за любое ранение, включая контузии.

За то время, пока жалоба шла в Северный флотский военный суд, Минобороны изменило порядок начисления выплат: в новой редакции документа ссылки на перечень 1998 года уже нет. Жалобы Гребенюка апелляционная инстанция рассмотрела 17 ноября — заседание по жалобе Зиновьева отложили, а два его сослуживца суд выиграла.

Кроме трех морпехов с Северного флота, рассказывает Гребенюк, к нему обратились еще около 20 контуженных военных, которые не могут добиться выплат. Так, Владимир Миронов в начале весны попал под минометный обстрел под Ирпенем — его вырвало, он потерял сознание и очнулся уже в медицинском отряде. Фельдшер отказался выдавать ему справку о контузии, сказав, что не имеет таких полномочий. Через несколько дней Миронова перевели в мобильный госпиталь — несмотря на жалобы на тошноту, головокружение и головную боль, врачи не отправили его к неврологу, а прописали курс антибиотиков.

Летом у Миронова начались приступы, похожие на эпилептические припадки, но врач военного госпиталя, обследовавший солдата, не включил в анамнез контузию. Только частный невролог-эпилептолог связал приступы с взрывной травмой и диагностировал «посттравматическую фокальную^[7] эпилепсию». Однако права на выплаты справка из частной клиники не дает — для этого нужно заключение военных врачей.

Максим Фомин после минометного обстрела испытывал те же симптомы — головную боль, тошноту, дезориентацию, потерю памяти. Получив от военных медиков обезболивающее, он в тот же день вернулся на передовую, снова попал под обстрел, пытаясь укрыться, прыгнул в окоп, неудачно приземлился и травмировал спину. Врачи сделали ему еще один укол обезболивающего, и он продолжил воевать, но через несколько недель снова обратился к врачу — на этот раз с жалобами на головные боли и

ухудшение зрения. На этот раз военврач настоял на госпитализации, объяснив, что Фомина контузило.

Его направили в МОСН, но оборудования для КТ или МРТ там не было, поэтому зафиксировать контузию не удалось. День за днем зрение у Фомина становилось все хуже; его перевели в военный госпиталь в Ростове-на-Дону. Там солдату поставили диагноз близорукость — и объяснили, что на выплаты он рассчитывать не может. Как и в случае Миронова, связать симптомы с их причиной смог только гражданский специалист — офтальмолог диагностировал у Фомина «осложненную катаракту травматического генеза».

Матвей Сергеев был в танке, когда в него попала противотанковая ракета. Он вывел экипаж наружу и потушил машину, а после начал замечать у себя те же симптомы, что и другие герои этого текста. Врач в медпункте танкового батальона предложил Сергееву эвакуироваться, но он отказался и с постоянными болями в голове и спине воевал еще почти месяц. Когда танкиста наконец госпитализировали, в ближайшем медицинском отряде не нашлось аппаратов для КТ и МРТ. Спустя месяц Сергеева перевели в госпиталь в Воронеже, где ему отказались выдавать справку о контузии — вместо этого документах значатся «остеохондроз» и «болевым синдромом».

Адвокат Гребенюк советует мобилизованным, которые не могут избежать отправки на войну, заранее провести КТ, МРТ, ЭЭГ и другие исследования внутренних органов — тогда

военным медикам будет труднее утверждать, будто травмирующее воздействие и появившиеся после него симптомы не связаны друг с другом.

«Если бы контузию признали ранением, то я бы получил и президентские 3 млн рублей, и губернаторские, и страховые выплаты — вышла бы неплохая сумма. Это все довольно нечестно, потому что поначалу платили вообще всем подряд, кого привозили в госпиталь в том же Ростове, а только потом уже начали обрубать контуженных и диагнозы менять, — жалуется морпех Зиновьев. — Как я понял, указание сохранять бюджет появилось именно после приказа Минобороны от 22 апреля. Если ранение сильное и явное, то до выплат, конечно, допускают, а если нет — то попробуй докажи. Хотя это та же травма, то же ранение с последствиями».

Зиновьев до сих пор не переносит громких звуков, страдает от звона в ушах и не может водить машину по ночам. «Когда я попал в Ростов, я увидел, какое там отношение, и, конечно, многое передумал. Я ведь офицер, поэтому если бы меня вылечили нормально, у меня бы мозг даже не повернулся в сторону критики какой-то, отгулял бы реабилитацию — и в строй обратно. А сейчас я вижу, что государство меня бросило, кинуло — люди, которые ответственны за то или иное направление. Если бы командование части было на стороне военнослужащего, то провели бы разбирательство, сделали бы запрос на главный госпиталь округа. Но у нас этого нет вообще. Наши говорят: идите в задницу, мы не хотим в это влезать», — рассуждает он.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Имя изменено по просьбе собеседника «Медиазоны».
2. Медицинский отряд специального назначения, то же, что медсанбат в советской армии.
3. Акустическая баротравма, повреждение барабанной перепонки взрывной волной.
4. По месту постоянного базирования части в Мурманской области.
5. Упоминается только контузия глазного яблока. При этом сам документ озаглавлен так: «Перечень увечий (ранений, травм, контузий), относящихся к тяжелым или легким, при наличии которых принимается решение о наступлении страхового случая».
6. Есть в распоряжении «Медиазоны».
7. Так называется форма эпилепсии, связанная с повышенной активностью в одном ограниченном участке мозга.